

Полина Чупахина

ПРЕДНАЗНАЧЕННАЯ

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Ч-92

Чупахина П.

Ч-92 Предназначенная / Полина Чупахина – М.: Литнет, 2025. – 288 с.

ISBN 978-5-521-94813-0

Таисия прожила обыкновенную жизнь и должна была погибнуть под колесами ночного лихача, но высшие силы вмешались в судьбу девушки и подарили ей новый мир. Теперь ее зовут Тайсэ. Здесь ее ждет новое будущее и новая любовь. Осталось только разобраться с проклятием верховного инквизитора, помочь демону освободиться из рабства, убедить главу ведьмовского ковена в своей полной бесполезности для нее и не погибнуть от рук тайного врага. Но Таисия справится. Хотя бы постарается, ведь упрямства девушке из России не занимать.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94813-0

© Литнет, 2025
© П. Чупахина, 2025

Пролог

Арвейн, верховный инквизитор королевства Лоринтар, смотрел в светло-голубые глаза ведьмы и понимал, что его явно кто-то проклял. Не бывает так, чтобы судьбой инквизитора оказалась ведьма-отступница.

– Линейн, ты осознаёшь, что в данной ситуации никто не спасёт тебя от смерти на костре? – он мечтал отдать дело любому коллеге, но заниматься юной виконтессой по статусу можно только верховному. Семнадцать лет. Совсем не дитя. И всё же больно от осознания, что едва найдя девушку, предназначенную Судьбой, придётся проститься.

– Я невиновна, элистер. Клянусь богиней Гельгеной.

– Дознаватели подтвердили, что следы твоей ауры остались на месте убийства княжны Арман. Неужели ты не понимала – гибель невесты князя Сола будут тщательно расследовать?

– Я не трогала Эльзу.

– Твою вину доказали. Я просто хочу понять, на что ты рассчитывала? Ведь неглупая девушка.

В груди всё болело и неприятно подташнивало, но инквизитор не мог себе позволить слабость. Разве что на казнь он не пойдёт. Скажется больным, и наплевать на досужих сплетников. Магу такого уровня никто не рискнёт бросать в лицо упрёки и обвинения.

Девушку увели. Инквизитор поднялся из-за стола, открыл шкаф, вынул початую бутылку вина. Плеснул в глиняную кружку, выпил залпом. Все маги знают, что значит встретить того, кто предназначен судьбой. Краски становятся ярче, воздух насыщеннее, а в груди разливается тепло узнавания, радость обретения, счастье. Увы, спасти жизнь предназначенность не может. Особенно когда дело касается нарушения законов, за которые полагается смертная казнь.

«Судьба поторопилась» говорят про такие случаи. И верят – будет новая встреча. В правильном месте и при нужных обстоятельствах.

Линейн казнили на рассвете. Арвейн слышал, как она кричит, и будто умирал вместе с девушкой, что могла стать возлюбленной, женой, матерью сильнейших магов. Судьба поторопилась. Так он утешал себя, малодушно прячась в собственной спальне.

– К элистеру Арвейну нельзя! Он болен!

– Мне плевать! Даже если подышает, я с ним встречаюсь!

Голос слуги Арвейн узнал сразу, а вот женщина оказалась незнакома. И судя по тону, уходит она и правда не собиралась.

– В чём дело? – инквизитор открыл дверь рывком и замер. Женщина выглядела знакомо до спазма в желудке.

– Николас Арвейн, верховный инквизитор Лоринтара, будь ты проклят! Линейн никогда в своей жизни не причиняла вреда людям! Она следовала законам королей и богов! И ты всё же отправил мою девочку на мучительную смерть, смешал её имя с грязью! Так пусть же твоя жизнь превратится в пылающую геенну! Единственная дочь рода! Огонь уничтожил последнюю кровь древних, так пусть он пожрёт и тебя. Проклинаю, именем справедливой Гельгены. Пусть богиня сама отмерит тебе по заслугам!

Плевков под ноги словно вывел его из ступора, в который впал мужчина, едва осознал, что перед ним мать сожжённой ведьмы.

– Выведи женщину и больше сюда не пускай, – распорядился Николас, возвращаясь в спальню. К вину и забвению. Сегодня он может позволить себе немного безумия, как символ утраты. Завтра же дела Лоринтара призовут сильнейшего из инквизиторов и будет не до скорби.

Глава 1

Эта жара меня доконает. Кто вообще придумал в нашем климате высаживать низенькие чахлые кустики? А деревья обрезать так, что их тени едва хватает на недолгое освобождение от зноя? Ну да, тень мешает жильцам домов, особенно тем, у кого возле окон висят белоснежные ящики кондеев, а на месте некогда ухоженных клумб припаркованы дорогостоящие авто с климат-контролем. Я попыталась стереть бегущую по шее капельку пота плечом, увы, фокус не удался – руки отказывались удерживать на весу пакет с продуктами. Сложный день, что ни говори, а работа продавца-кассира чаще всего похожа на каторжный труд. Всю смену я вынуждена улыбаться, быть вежливой независимо от обстоятельств и терпеть. Хотя, кого ты обманываешь, Тася, ты рождена, чтобы терпеть. Хорошо хоть ума хватило утром надеть дешёвый китайский сарафан, а не джинсы. Сейчас бы совсем спарилась.

Я шла, осторожно перешагивая бугрящиеся под треснутым асфальтом корни старых тополей, и пыталась понять, как так вышло, что в двадцать пять лет ничего из себя не представляю. Ни образования, ни перспективы карьерного роста. Не особых внешних данных, косой взгляд в витрину маленького магазинчика подтвердил: не красавица вы, Таисия Евгеньевна. У тех не бывает красных от палящего солнца лиц, обветренных губ и целлюлита на бёдрах, пусть его под одеждой не видно. Длинные тёмно-русые волосы, собранные в пучок на затылке, растрепались, липли к влажной от пота шее. Два пакета оттягивали руки, и я чувствовала злость. Лёша мог меня встретить. Мог, но не стал.

Нырнув в тёмную прохладу подъезда, я в очередной раз вздохнула, перехватила оба пакета одной рукой и с удовольствием убрала волосы. Ноги в балетках мягко ступали на вышарканные бетонные ступени, отсчитывая путь до конечной точки. Там можно будет

поставить ношу на пол, стряхнуть разношенные туфельки и нырнуть в душ. Прохладные струи смывают пот и усталость уходящего дня. В прихожей ждал не самый приятный сюрприз в лице деверя, который к счастью, собирался уходить.

– Тайка, почему не позвонила, я бы встретил? – хмуро бросил родственник, не делая попытки забрать пакеты. Серо-зелёные глаза смотрели с мягким укором, полные губы кривились в недовольной гримасе. Ему всегда не нравится, что я не позволяю помогать.

– Всё в порядке, Дима. Спасибо.

Желание шарахнуться обратно на лестничную площадку, когда мужчина на мгновение прижался грудью, протискиваясь к выходу, было настолько сильным, что я внутренне сжалась. Как же, встретил бы он меня.

– Ну, смотри сама, – бросил, захлопнув за собой дверь. По лестнице зашуршали торопливые шаги, а я наконец выдохнула. Нет, Дмитрий не плохой человек, только ничего я не могу с собой поделать. До дрожи боюсь высокого, широкоплечего бывшего тяжелоатлета, который появился в нашей с Лёшей жизни совсем недавно. Вернулся откуда-то с Севера, где долгие годы зарабатывал на собственное жильё. Муж обещал, что брат съедет сразу, как найдёт подходящий вариант. Не знаю, откуда растут ноги у этого страха. Дима улыбочивый, добродушный и предупредительный. Помогает по дому, много шутит и старается не мешать нам. И всё же я его боюсь до полуобморока. Едва за деверем закрылась дверь, я стряхнула опостылевшие балетки и поставила пакеты на старую банкетку. Какое же удовольствие ощущать пылающими ступнями жёсткий ворс ковровой дорожки.

– Солнце, ты опять вся замученная. Может ну её, твою работу? – Лёша повернул голову, не торопясь подниматься из-за компьютерного стола. Никогда не пойму этих программистов-фрилансеров.

– Галка заболела, поэтому обед сократился вдвое, а ужина не было вовсе.

Я в очередной раз не решилась поднять вопрос с элементарной силой, которой у двадцати пятилетней женщины в разы меньше, чем у здорового мужчины, имеющего возможность пару раз в неделю сходить в зал на тренировку. Вот неужели он сам не понимает что мне тяжело, я устала! Начинать скандал не хотелось, потому молча понесла пакеты в кухню.

– Я и говорю, завязывай уже с этой работой. Думаешь, вдвоём мы на мои деньги не проживём?

Конечно, проживём, но не факт что долго и счастливо, с учётом того, что на продукты муж денег даёт всегда впритык.

– Конечно, любимый, – не стала вязываться в знакомую до оскомины перепалку. В которой дорогой человек не преминет напомнить и о неоконченной школе, и о том, что живём в его квартире. И вообще, неблагодарная я. Не ценю, что Лёша хранит верность, хотя не обязан, мы даже не расписаны. – Только надо дождаться Галку. Не могу же я всех подставить, уйдя прямо сейчас. Работать некому.

В кухне прислонилась на мгновение к стене, сглатывая вязкую обиду, горечью вставшую в горле. Досчитала до трёх, выдохнула и занялась разбором пакетов, под привычное уже недовольное бормотание мужа. Семь лет я строила отношения, искренне любила и заботилась. И до недавнего времени считала, что процесс этот обоюдный. А то, что косячит Алексей, так не со зла, просто характер такой. Неуступчивый, обидчивый, вспыльчивый. И не всегда, чаще Лёшенька настоящая лапочка. Он всегда с готовностью слушает жалобы на директора магазина, сочувствует, когда приходится выходить не в свою смену. И просто обожает мою стряпню. Правда, когда несколько лет назад пришла к нему за советом, не попробовать ли поступить в техникум на повара, резко осадил. Нет денег на учёбу, надо копить на свадьбу, каждая копейка важна. Спорить язык не повернулся. Наверняка за три года скопилась приличная сумма, но Лёшка каждый раз как я напоминаю

про свадьбу, сокрушается, что сейчас всё дорого. А мне не нужно торжество и белое платье. Поставить штамп в паспорте, сменить свою фамилию, родить ребёнка. Это ли не счастье? У нас обязательно будут красивые дети, особенно если пойдут в отца. Лёша мне понравился с первой встречи. Высокий улыбчивый брюнет с тёплыми карими глазами и обаятельной улыбкой. Я тогда только устроилась официанткой в небольшое кафе, а он зашёл пообедать. Лёша работал программистом в здании за углом, поэтому стал часто захаживать на бизнес-ланчи. А потом пригласил в кино. И пошло-поехало, как в сериалах показывают. Когда он предложил съехаться, я быстро вжилась в роль заботливой жены, ушла с головой в наши отношения. За семь лет много всего произошло, как хорошего, так и плохого. Но это обычная вещь для семейной жизни, главное, что мы любим друг друга. Однажды я спросила, что привлекло его в простой официантке и ответ до сих пор греет сердце: мои самые зелёные на свете глаза. Чушь, наверно, но я улыбаюсь всякий раз, как вспоминаю эти слова. Жаль, что Лёшка стал реже говорить комплименты. Наверно стоит заняться собой, чтобы муж совсем интерес не потерял как к женщине. Я вздохнула, убирая помидор в ящик для овощей. Впереди знакомая до оскомины рутина, но это лучше одиночества.

Остаток вечера прошёл относительно спокойно. Лёша пропадал среди своего кода, Дима ещё не вернулся от друзей, а я потратила пару часов на собственное удовольствие в ванне с душистой пеной.

— Лёш? — я прислушалась, но знакомого сопения справа не уловила. Что меня разбудило среди ночи, рывком, аж сердце в горле колотится и руки дрожат? Может землетрясение? В последнее время они участились, и панельная пятиэтажка с завидным постоянством дрожала, неприятно потрескивая оконными стёклами и звеня посудой. А Лёшка в туалет пошёл. Или воды на кухню попить. Да и чего я испугалась в собственном доме? Не темноты же. Брось,

Тася, не маленькая девочка дрожать ночами. Заставила себя расслабиться, улеглась удобнее, обнимая большую подушку. Алексей не возвращался, а затем из кухни раздался звон бьющейся посуды. Ну нет, это явно повод пойти и выяснить, где пропал благоверный. Накинув халат, собрала волосы в хвостик и пошла разбираться кто из братьев что разбил. Мимо зеркала в дверце шкафа проскочила едва не бегом. Внушённые в детстве бабкой страхи сложно изжить. Да и к чему ловить своё ночное отражение? И так не красавица, а тут наверняка на привидение похожа.

«Стоило остаться в спальне», – мелькнула первая мысль, едва оказалась в дверях нашей крошечной кухни.

«Телефон на зарядке!» – вторая. И только третья, спустя несколько бессмысленно потраченных мгновений, толкнула из кухни в коридор. На ночь всегда закрываем только внутренний замок. Открыть его, попадая ногами в растоптанные балетки и бегом по лестнице. Прочь от лежащего на полу Лёши с остекленевшими глазами и липкой на вид кровью, залившей его бледную грудь. Прочь от Димы, чей взгляд наполнен чёрного безумия, а на футболке алеют брызги.

Я сама не понимала, куда бегу. Стучаться к соседям в два часа ночи бессмысленно. Сознательные граждане проявляют свою сознательность в исключительно удобных и безопасных для них ситуациях. Рискуют ради других только идеалистично настроенные дураки. Эту истину подъезда номер три за семь лет я выучила назубок.

Нога соскользнула с края ступеньки, и если бы не жалобно повизгивающие перила, полёт вниз был обеспечен. А так, ногу обожгло болью, но движение продолжилось. Скрипнули перила на пролёт выше, на ходу взглянула вверх, чтобы убедиться, что Дима выскочил в подъезд следом.

«На улицу, там можно будет в сквере спрятаться!» – с отчаянной надеждой толкнула подъездную дверь, вылетая в темноту двора. Фонари вновь не горели, и спастись от сошедшего с ума Димы, а в здравом рассудке младших братьев не убивают, стало сложнее.

Я никогда не была спортивной, вся моя стройность и изящество достались с хорошими генами погибших родителей. Но сейчас не бежала – летела вперёд, петляя в темноте, пока не добралась до арки между домов.

Инстинкт самосохранения гнал, указывал направление, и я ему подчинилась, нырнув в неприятную темноту, чтобы в следующее мгновение выскочить на освещённую улицу. Сквер находился через дорогу. Десять метров растрескавшегося от времени асфальта отделяло меня от спасения, когда из-за поворота вылетел автомобиль.

Визг шин, запах жжённой резины, удар, полёт, падение, боль. Время словно стало гуще и потекло не свободной рекой, а карамельным сиропом. Я чувствовала спиной по-летнему тёплый асфальт. Помнила, как обернулась и замерла, услышав рёв двигателя. Да, замерла, вместо того, чтобы шагнуть назад. В тот миг замер весь мир и только сияющая огнями машина летела на меня. Водитель оказался совсем мальчишкой. Бедняга, откуда ему было знать, что среди ночи на пустой дороге сонного городка окажется растрёпанная тётка в старом халате...

Захотелось успокоить парня, сказать, что если бы не он, то меня догнал бы Дима с ножом. И всё равно этой ночи Таисии Евгеньевне Черниговской было не пережить. Но говорить я не могла. Даже стонать не получалось, хотя боль разбирала на кусочки. Только дышала резкими толчками, всё более поверхностными, слабыми. Когда в глазах уже темнело, промелькнуло лицо Димы. Он смотрел без злобы, с затаённой жалостью. А затем мир померк.